

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

(XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.)

Л. Л. Муравьева

Неизвестный автор географического сочинения конца XIV в. «Список русских городов дальних и ближних» изобразил Русь того времени обширной землей, простиравшейся от Устюга до Черного моря, от Немана до Дона. В ее составе он видел и города времен Киевской Руси, как бы воскрешая былые пределы древнерусской народности. Так оценивал современник общность Русской земли и ее положение между Западом и Востоком, когда она уже вступила на путь преодоления феодальной раздробленности. Его сочинение являлось типичным образцом появившихся тогда трудов, в которых отражалось стремление передовых людей к воссозданию единой и независимой Руси¹. Действительно, XIV — первая половина XV в. — особый период русской истории и ее культуры. То было время возрождения Руси, которое началось на северо-восточных ее землях. Растерзанная в итоге монголо-татарского нашествия, она поднималась и собирала силы, чтобы во второй половине XV в., ошеломив Европу, стать большим, единым и сильным государством². Процесс образования единого Русского государства сопровождался формированием великорусской народности, ее языка и культуры. Период становления русской национальной культуры совпал с распространением в Западной Европе Ренессанса. Его влияние сказалось в известной мере и на культурном облике русских земель, переживавших пору консолидации своих сил³. Духовная жизнь Северо-Восточной Руси развивалась в греко-славянской культурной сфере, которая охватывала территорию стран Восточной Европы, Малой Азии, Балканского полуострова и Закавказья⁴. Не случайно, когда в 1380 г. была одержана первая крупная победа над золотоордынцами на Куликовом поле, предвещавшая освобождение от чужеземного владычества, автор знаменитой «Задонщины» отметил: «Шибла слава к Железным вратам, к Риму и к Кафе по морю, и к Тарнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу русским князем»⁵.

Северо-Восточная Русь представляла собой обжитые, давно населенные русские земли в междуречье Волги и Оки, где располагались города Владимир, Ростов, Рязань, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Тверь и Москва. Некогда этот большой район назывался Владимиро-Суздальской Русью. По мере объединения он становился все более известным как Московская Русь⁶. Тенденция к преодолению феодальной раздробленности соответствовала поступательному ходу исторического развития. Намечившееся с конца XIII в. политическое единение русских земель являлось необходимой предпосылкой последующих экономических успехов и достижения государственной независи-

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М. 1966, стр. 18; Б. А. Рыбаков. Просвещение. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 2. М. 1970, стр. 202—205.

² См. Karl Maгh. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century and The Story of the Life of Lord Palmerston. L. 1969, chapt. 5.

³ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. М. 1946, стр. 14, 16.

⁴ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М. 1968, стр. 230, 242—243.

⁵ «Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков». М. 1955, стр. 175.

⁶ М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях, стр. 19.

мости Руси. Вначале политическое единение осуществлялось в виде союза отдельных сильных и самостоятельных княжеств. Во времена Ивана Калиты после продолжительного соперничества за политическое первенство наметилось главенство Москвы над другими русскими княжествами, и с той поры великое княжение находилось в руках его потомков. Начинается систематическое расширение Московского княжества. Процесс постепенного собирания земель проходил на Руси в трудных условиях господства Золотой Орды, борьбы с посягательствами на русские земли северных и западных соседей — шведов, ливонских рыцарей, Литвы. Поступательное развитие русской государственности, рост городов и накопление культурных ценностей тормозились жестокими набегами золотоордынцев, опустошительными пожарами, эпидемиями, внутренними феодальными междоусобицами. Вызванная этими обстоятельствами замедленность и неравномерность общественно-экономического и культурного развития страны, а также начавшееся в XV в. закрепощение крестьян предопределили в известной степени относительную отсталость России XV—XVI вв. по сравнению с рядом стран Западной Европы.

Складывание Русского государства приводило к значительным изменениям в экономической и общественно-политической жизни. Эти изменения охватили широкий круг явлений. Наметился явный сдвиг в сфере культуры, которая первое время после ухода Батыевой рати находилась в состоянии упадка и частичного регресса. Спад и застой глубоко коснулись духовной жизни. В запустении оказался древнейший ее очаг — Киев. Казалось, замерла она и в северо-восточных центрах. По словам современника, распространились «плач и туга в Руси и по всей земле». В огне пожаров пострадали или бесследно исчезли многие художественные памятники и произведения письменной культуры — важнейшие свидетельства развития искусства, книжности и образованности домонгольской Руси. Размеры ущерба во Владимиро-Суздальской земле были чрезвычайно велики. Только в начале XIV в. едва теплившаяся духовная жизнь оживилась и начала давать новые, хотя еще и скромные побег, которые затем пошли в рост.

В это время культурный процесс на Руси носит восстановительный характер. Начиная с середины XIV в. она переживает период подъема. Еще до полного освобождения от чужеземного ига духовная жизнь достигает серьезных результатов, что предопределило в известной степени ее будущие успехи. В этой связи духовное возрождение на Руси рассматривается в очерке в ее ведущих сферах: в литературе, живописи и зодчестве, дается характеристика состояния общественно-политической, философской и художественной мысли.

Известно, что культурная жизнь отражает общественную идеологию. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»⁷. Христианство служило важнейшей основой этих «господствующих мыслей» средневековой Руси. Церковь как единая феодальная организация раздробленной на отдельные княжества страны занимала тогда важное место в общественно-политическом развитии. Сфера культурной жизни Северо-Восточной Руси, как и любого другого средневекового общества, находилась под сильным воздействием христианской религии, являвшейся мировоззрением господствующего класса феодалов. Преимущественно в руках церкви была сосредоточена организация просвещения и образования. Литература и искусство также были тесно связаны с религиозной идеологией. Вместе с тем через все средневековье проходит «революционная оппозиция феодализму»⁸. Так, общественно-культурное развитие Руси XIV в. характеризуется формированием прогрессивной идеологии еретических движений, «которые выступали против духовной диктатуры средневекового православия и срывали «священный ореол», окружающий эксплуататорские институты русских феодалов»⁹. Эти ереси возникли, в частности, в Ростове и Твери. Социальная природа этих движений в условиях средневекового общества определялась классовыми интересами растущих демократических кругов города и отчасти крестьянства. Поэтому не случайно возникновение ересей и связанных с ними течений совпало с активными народными

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 45.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. М. 1960, стр. 4.

выступлениями против монголо-татарского ига в ряде северо-восточных городов: Ярославле, Ростове, Суздале, Твери. Эти выступления несли в себе заряд социального протеста, направленный, в частности, против сотрудничества бояр и верхушки духовенства с поработителями. В религиозно-общественном движении нашла проявление борьба демократических элементов за просвещение, за проникновение книги и «учения книжного» в широкие слои общества.

Духовная культура Северо-Восточной Руси опиралась на литературно-художественное наследие Владимиро-Суздальской земли XII — начала XIII в., которое, в свою очередь, уходило корнями в культурное богатство Киевской Руси. На Северо-Восточной Руси творили прославленные живописцы Феофан Грек, Андрей Рублев, Даниил Черный, Прохор из Городца; видные писатели Серапион Владимирский, Софония, Епифаний Премудрый; крупные мастера прикладного искусства Парамша из Москвы, Амвросий из Троице-Сергиева монастыря; известные русские зодчие — создатели замечательных белокаменных архитектурных сооружений. Они явились достойными наследниками предшествующих поколений, переняв и развив их опыт и достижения в области зодчества, живописи и литературы. В самые глухие годы монголо-татарского ига в Русской земле сохранялся интерес к ее прошлому. Главное направление культурного творчества, сначала подспудно, а затем все более явственно, определяла идея общности всех русских земель. Постоянное внимание к культуре домонгольской Руси не было только творческой эстафетой поколений. В условиях чужеземного владычества и разобщения исторически связанных земель духовные силы народа были обращены к памятникам периода единства и независимости Руси, к ее героическому прошлому как неиссякаемому роднику обновления, стойкости к бедствиям и надежд.

Духовное возрождение прежде всего коснулось литературы и уж потом зодчества и живописи, где сильнее сказались губительные последствия иноземного вторжения. Русские города и села возрождались из пепла. Громя и разрушая все на своем пути, монголо-татарские орды оставляли за собой пустыню. По словам летописца, то было «бедное сие... время». Оборвалось развитие древней рязанской архитектуры. Строительство в Рязани возобновилось только во второй половине XIV в., когда были воздвигнуты княжеский Солотчинский монастырь и храм в древнем Ольговом монастыре. Строительная культура в Залесской земле тоже воиставлялась медленно, первые ее монументальные постройки были малосовершенны и почти не сохранились. Математические и прочие знания в зодчестве были в какой-то мере утрачены. Господствовали деревянные, обычно крупные, рубленые здания. Менее всего пострадал Ростов, где продолжалось строительство (в основном деревянное) сложных в конструктивном и своеобразных в художественном отношении сооружений, в том числе монастырей.

Уцелевшие архитектурные памятники в Ростове и Владимире с XIV в. реставрируются: были обновлены Успенский владимирский и Успенский ростовский соборы. Продолжало жить деревянное зодчество в строительстве Московского Кремля и в дворцовых постройках (совокупность двухэтажных клетей с переходами) в Ярославле, Твери и Москве. В конце XIII — начале XIV в. в Твери и Москве началось возведение каменных храмов в белокаменной технике владимиросуздальского зодчества. Разграбленные русские постройки вновь украсились русско-византийской росписью, драгоценными иконами и местными произведениями прикладного искусства. К каменному строительству были привлечены оставшиеся местные умельцы, в том числе владимирские, «каменные здатели или древодельные», иконописцы, мастера «быша Русстий родом»¹⁰. Интенсивное развитие получила иконопись; иконы часто заменяли на Руси стенную роспись, особенно в деревянных зданиях. Иконописание являлось не только воплощением религиозных идей, но и в значительной степени живописных и поэтических, и в известной мере отвечало насущным интересам реальной жизни народа. Широкое обращение иконы в средневековом обиходе не было связано лишь со сферой религиозного культа: в сознании людей она представлялась защитницей родной земли от врагов, охранительницей от стихийных бедствий¹¹. Большую устойчивость и образ-

¹⁰ См. М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгтр. 1916, стр. 97.

¹¹ А. И. Клибанов. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева. «Андрей Рублев и его эпоха». М. 1971, стр. 100—101.

ность сохраняли ранняя ростовская иконография и местное производство лицевых рукописей.

Вместе с тем в художественной традиции Ростова проявилась тенденция наполнять догматические образы жизненным содержанием, основанным на наблюдениях художником окружающей обстановки. В Третьяковской галерее находится один из лучших образцов ростовской живописной школы того времени — утонченно-декоративная по стилю икона «Троица». Сходная с ростовской, живописная школа Ярославля подарила тогда русскому искусству отличающуюся патетическим характером икону архангела Михаила, созданную для одноименной церкви в Которосли (Третьяковская галерея), скорбные по настроению иконы Толгской богородицы (Русский музей), предположительно лицевую рукопись — Федоровское евангелие, украшенную праздничными миниатюрами (Ярославский музей). Близок по своему исполнению к ростово-ярославской манере иконописания такой памятник, как праздничного стиля икона Бориса и Глеба (Русский музей)¹². На самостоятельный путь поисков становилось тверское искусство. Новый шестистолпный крестово-купольный Спасский собор в Твери был украшен декоративной резьбой и расписан фресками еще в 1292 году. Возобновление монументальной живописной традиции наблюдается именно в Твери. «Свершена бысть и священа церковь камена на Тфери во имя Святого Феодора»¹³, — сказано в летописи под 1323 г. о сооружении царьградским игуменом Иваном еще одного тверского храма. В убранстве церквей и монастырей тверские мастера использовали затем майолику, медь и золото. О художественной манере и технике местных умельцев говорят и работы живописца Прокопия. Сохранились замечательные миниатюры за подписью «многогрешного раба божия Прокопия» к тверскому списку «Хроники» Георгия Амартола, выполненные по заказу князя Михаила и его матери. В иллюстрациях Прокопия отразились реальные черты русского быта.

В ранней строительной деятельности подымавшейся Москвы известны небольшие четырехстолпные каменные здания: Успенский и Архангельский соборы (княжеская усыпальница), церковь Спаса на Бору и церковь-колокольня Иоанна Лествичника. Они были поставлены в южной части кремлевского холма над Москвой-рекой. Под 1326 г. летопись фиксирует, что «месяца августа в 4, на память святого мученика Елферия, заложена бысть первая церковь камена на Москве на площади во имя святых Богородицы честнаго ея Успения»¹⁴. Этот центральный храм города был построен по типу Георгиевского собора начала XIII в. в Юрьеве-Польском. Развита владимирскими зодчими резная декорация храма получила некоторое продолжение не только в Твери, но отчасти в Москве. Простой орнаментальной резьбой был покрыт фасад церкви Спаса на Бору. «Русские писцы» Захарий, Денисий, Иосиф, Николай и многие другие приняли участие в росписи первых отстроенных архитектурных сооружений вместе с греческими мастерами, которые приехали на Русь по приглашению митрополита грека Феогноста и успешно соперничали с русской «дружиной», привнося в нашу живопись приемы византийского Возрождения. Бисти приезжих греческих живописцев приписывают две иконы московского собора Успения: «Спаса Ярое око» и «Бориса и Глеба» (Третьяковская галерея), отличающиеся пластической выразительностью исполнения и богатством тональности. Создание икон с изображением князей Бориса и Глеба отвечало прославлению идеи о братолюбии и самопожертвовании во имя единства Руси. В числе первых последователей приезжих греческих мастеров была русская артель иконописцев, учившихся у греков, возглавленная мастерами Гойтаном, Семеном и Иваном¹⁵. В Москве возникает ряд художественных ремесел. В прикладном культовом искусстве известны кованые золотом иконы русского ювелира «Парамшина дела», которые передавались по завещанию в великокняжеском роду. Упоминания об иконах Парамши встречаются в духовных грамотах великих князей. По заказу Ивана Калиты было выполнено Сийское евангелие с написанной мастером Иоанном в стиле XII в.

¹² Г. И. Вздорнов. Живопись. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 2.

¹³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.-Л. 1950, стр. 357.

¹⁴ Там же, стр. 358.

¹⁵ Н. Н. Воронин. Областные культуры периода феодальной раздробленности. «История русской литературы». Т. II, ч. I. М.-Л. 1946. Введение, стр. 34, 60—61, 67—69, 74, 98—99; его же. Архитектура. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 2, стр. 207, 235—237; «История русского искусства». Т. I. М. 1957, стр. 78—79.

миниатюрой, которое предположительно считается первым художественным памятником Москвы. Это евангелие находится сейчас в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Несколько позднее московские зодчие и художники впишут своим трудом важные страницы в историю национальной архитектуры и живописи.

Дошедшая до нас рукописная литература середины XIII — начала XIV в. не покрывает всей литературной работы того времени, многое ушло безвозвратно, оставшиеся памятники очень немногочисленны (583 книги от XIII—XIV вв.)¹⁶. Часть сохранилась в виде литературного материала в более поздних памятниках, оставив заметный след в истории становления русской письменности и языка. Шло активное восстановление письменных памятников Киевской Руси в северо-восточных княжествах. Налаживалось рукописное дело, связанное с практикой написания книг писцами-профессионалами. Требовалось много богослужебных книг. Ощущалась нужда в светских произведениях. Некоторые рукописи дошли до нас с датой и подписью. Писцы-переписчики оставляли на листах рукописей записи и разного рода пометки, повествующие об условиях их работы, с просьбой не проклинать их за возможные ошибки, поскольку книги, с которых они переписывали, были ветхие. Перелистывая сегодня иную книгу, пожелтевшую от времени, можно увидеть, что она имеет несколько почерков и писал ее не один писец. Писцы трудились, разделив работу, за полночь, при свечах в темных кельях, оставляя на листах рукописи капли застывшего воска. В приписках, сделанных писцами на рукописях, отмечается: «Написали... в глаголении с другом или в дремании», «тьмо», «о, господи, помози. О, господи, посмеши — дремота неприменная и в сем рядке помешаеся». В Рязанской кормчей 1284 г. можно прочесть также слова о переписке книги: «Мы же разделивше на 5 частей, исписахом в 50 дней»¹⁷. Переписанные писцами рукописи донесли до нас неоценимые свидетельства и живое биеие напряженной творческой жизни далекого прошлого нашего народа. В памятниках письменности через местный говор писцов заметно проявление важных особенностей разных наречий и диалектов русского языка с тенденцией оформления его единства. Начиная с XIII в. древнерусский язык претерпевает (при общности письменных норм) изменения в звуковом и морфологическом строе. На территории среднерусских областей появляется аканье. Ранняя письменность Москвы (например, Московское евангелие 1339 г.) уже отразило это явление¹⁸. Развитие русского языка складывалось также под некоторым влиянием переводной литературы.

В 70-х годах XIII в. было положено начало созданию церковно-юридических сборников, что имело определенное общественное значение. Восстанавливались киевские памятники типа Кормчих книг («Законоправил»), где определялись церковные правила и гражданские законы на русских землях, поруганные, по словам источника, «от безбожных и нечестивых поганых»¹⁹. Такие сборники были составлены в Рязани, Владимире, Москве и других городах. Потребность в юридических руководствах привела к возрождению и такого гражданско-юридического памятника XII в., как «Мерило Праведное», куда были включены «Русская Правда», церковный устав киевского князя Владимира. В землях Московского княжества была широко известна Чудовская Кормчая книга, созданная в первой половине XIV в. и основанная на правовых нормах и принципах «Русской Правды». В практике церковно-гражданского суда на Руси этого времени использовались с коррекцией на русскую действительность компилятивные сборники византийского права, например, «Закон Судный людем»²⁰.

Большое значение приобрели богословско-символическая литература, трактовавшая вопросы устройства вселенной, библейские книги, апокрифы. В обращении находились возникшие еще в первые века христианства произведения типа «Книги Еноха», «Христианской топографии» Космы Индикоплова и близкие им сочинения Елифания Кипрского, откуда заимствовались довольно примитивные представления о мире. Так, согласно утверждениям авторов «Книги Еноха», мир представлял собой Землю и семь небес над ней, которые заселены ангельским народом; во главе небесной иерархии на-

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 170.

¹⁷ Там же, стр. 171—172.

¹⁸ П. С. Кузнецов. Русский язык. «Очерки русского языка XIII—XV веков». Ч. 2, стр. 82—84.

¹⁹ «Русская историческая библиотека». Т. 6. СПб. 1880, стб. 86.

²⁰ «Закон Судный людем пространной и сводной редакции». М. 1961, стр. 21.

ходится бог, «сидяще на престоле своем превысоцем, и вси вои небесни встѣпавше стояха... по чину». Эти «вои» выполняют всякие работы по благоустройству природы, в том числе самые грубые и тяжелые, которые поручены младшим чинам ангелов; по разным этажам мира падшим ангелам отведены места заключения. Положение Земли во вселенной представляется горизонтальной перегородкой, отделяющей тьму под Землей и «твердую воду» над Землей. Картина мироздания применялась при объяснении земных порядков в феодальной иерархии социальных групп. Тем самым в мышлении о мире в феодальной среде вся природа рассматривается как символ божественной мощи и величия²¹.

Старый литературный фонд постепенно расширялся за счет новых переводных и оригинальных произведений. Несмотря на чужеземное господство в Северо-Восточной Руси, традиционные связи с центрами мировой культуры не были прерваны. Приток переводной литературы шел через христианские южнославянские страны, где славянская культура соприкасалась с византийской и западноевропейской. Гостеприимную почву для распространения на Руси нашли появившиеся в Византии эсхатологические и утопические сочинения, в которых преобладало фантастическое мышление о мире. Характер этой литературы отвечал состоянию подавленности и растерянности, мистическим настроениям, имевшим место в первое время после монголо-татарского нашествия. Вместе с тем были вызваны к жизни сочинения, в которых объяснение вопросов общественной жизни ставилось в зависимость от различных явлений природы. Появление подобных сочинений было связано с велением времени, задачами усиления феодализации и развития государственности в русских землях. Многие из поступившей литературы подвергались обработке в соответствии с местными традициями и интересами. С латинского оригинала через посредство сербского перевода пришло на Русь «Сказание об Индии богатой». Этот фантастический памфлет представляет собой послание индийского царя и пресвитера Иоанна к греческому царю Мануилу, в котором рассказывается о силе и чудесах Индийской земли. Изменив широты, «Сказание» заметно обрусело, оказав влияние на былинный эпос и книжную литературу. В южнославянском пересказе достигло Руси и восточное «Сказание о двенадцати снах Шахаиши». В нем изложено толкование снов-загадок мудрецом Мамером, который предвещал злое время и мятеж по всей Земле, гибель мира. Известны были апокрифы «Хождение Зосимы» и «Слово о Макарии Римском» с вариациями популярной средневековой легенды о путешествиях в страну блаженных, живущих у крайних пределов обитаемого мира, или о земном рае. В сказочной форме изложено 40-дневное путешествие Зосимы по пустыне пешком и на верблюде, когда буря занесла его на край Земли и он очутился у реки перед непроницаемой облачной стеной, отделяющей «суетный мир» от страны блаженных рахманов, где все безгрешны, царит равнодушие к богатству и славе. Здесь-то и состоялся диалог путешественника с облаком, в котором прозвучали такие слова: «Зосима, человеце божий, сквозе мя не проходить ни птица от мира сего, ни дух ветрен, ни солнце..., от суетного мира никто же не может пройти сквозе мя»²². В «Хождении Зосимы» страна блаженных находится по соседству с местом пребывания бога. В «Слове о Макарии» речь идет о путешествии трех монахов к земному раю. В этом произведении через эсхатологические видения переданы христианские представления о возмездии за грехи.

Пополнение запаса киевского книжного наследия осуществлялось и путем создания на русской почве новых редакций эллинистических произведений, таких, например, как «Александрия», и обширных исторических компиляций из переводной литературы. В русской обработке произведение псевдо-Каллисфена оказалось насыщено изображением сказочных чудес из жизни Александра Македонского и психологической мотивировкой противоположных характеров — его и Дария, что придало всему сочинению назидательно-нравоучительный характер. Редактор русской «Александрии» словами из хроники Георгия Амартола «Ищущий тщетной славы мимо течет, как тень, и скоро исчезнет» выносил приговор стремлению к «возобладанию» «множеством ми-

²¹ Т. И. Райнов. Наука в России в XI—XVII веках. М.-Л. 1940, стр. 16—18, 53—155.

²² М. О. Скрипиль, В. Ф. Покровская. Областные литературы периода феодальной раздробленности. «История русской литературы». Т. II, ч. I. М.-Л. 1946, стр. 149.

ров». Исторические сборники составлялись по типу византийских хроник, что свидетельствовало о живом интересе на Руси к событиям мировой истории. Нередко им придавался полемический или толковательно-полемический характер. В XIII в. на основе ряда византийских и отчасти славяно-русских памятников были созданы Еллинский летописец, а также Иудейский хронограф и Толковая Псалтырь. Последние сочинения отражали религиозную борьбу, охватившую в XIII в. славянские земли. Их авторы выступили в защиту христианства. Эту же цель преследовали исторические компиляции, в которых использованы хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Шестоднев»²³. С XIV в. широко распространяются сборники поучений и «слов», заключавшие в себе систему идей средневекового миропонимания, например, «Златоуст» (своим предшественником он имел южнославянский вариант: «Книгу, глаголемую Измарагд») ²⁴.

Среди первых публицистических произведений, содержащих критику церкви и освященного ею общественного строя, можно назвать «Власфимию» и писание монаха Акиндина тверскому князю Михаилу Ярославичу. В компилятивном сборнике «Власфимия» осуждались духовная иерархия и эксплуатация зависимых от церкви людей, ибо это оказывает губительное влияние на общество, «наводит на вся люди пагубу» и «погибение наипаче бывает от епископ и попов грехи». В писании Акиндина отразилась идеологическая и политическая борьба вокруг феодальных иммунитетов церкви. Акиндин, принадлежавший к рядовому тверскому монашеству, утверждал, что «всяк человек прием от бога разум рассужати», и высказывался о праве вмешательства светской власти в дела церкви. Большой обличительной силой отличается «Слово о живых учителях», где критика против церкви доведена до отрицания самого института священной иерархии. Сочинитель этого «Слова» отмечает, что для духовенства бог — это «чрево и слава», и вместо людей духовного звания видит истинных учителей в таких представителях народа, как «простцы», «чтецы», «певцы». Он ратует за публичность «книжного учения» и тем самым подвергает сомнению исключительное право духовенства на образование. Этот памятник основан на византийском сочинении, приписываемом Иоанну Златоусту, и читается уже в ранней редакции сборника «Измарагд», рассчитанной преимущественно на обслуживание умственных интересов мирян ²⁵.

Наряду с обращением к прошлому некогда единой Руси уже с середины XIII в. в северо-восточных княжествах появляются оригинальные произведения, посвященные защите Русской земли от монголо-татарского нашествия. Эта тема получила высокое эмоциональное и поэтическое звучание и нашла выражение в различных литературных жанрах — воинских повестях, сказаниях, словах, житиях. Многие из этих литературных произведений насыщены фольклорными мотивами, преданиями героического характера, свидетельствующими об отклике народа на монголо-татарское иго и пробуждении его самосознания. Из народного творчества пришли в литературу первые героико-богатыри, «удальцы» — заступники Русской земли от насильников, придав ее произведениям оптимистический настрой.

Ответом на первые трагические события, связанные с нашествием монголо-татар, были повесть о Калкской битве 1223 г., «Повесть о взятии Батыем города Владимира» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Эти сочинения проникнуты глубокой скорбью о былом величии русских земель. Чужеземное нашествие было для Руси неожиданным, своего рода катастрофой. В повести о битве на Калке оно воспринято как предвестник гибели мира. Современник «приключившихся бед» записал «ради памяти» потомков: «Явились народы, которых как следует никто не знает, кто они, откуда пришли, каков язык их, какого они племени, какой веры, и зовут их — татары..., а говорят также, что это те самые народы... из пустыни Етриевской..., откуда они должны выйти при конце мира»²⁶. Об упорном сопротивлении, оказанном русскими монголо-татарским

²³ Там же, стр. 143—156.

²⁴ А. С. Орлов. Областные литературы феодальной раздробленности. «История русской литературы». Т. II, ч. 1, стр. 157—162.

²⁵ В. Я. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования Измарагда. Одесса. 1893; А. И. Клибанов. «Слово о живых учителях». «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М. 1961.

²⁶ Цит. по: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М. 1966, стр. 189.

ордам, рассказывается в «Повести о разорении Рязани Батыем». В центре событий — эпический герой Евпатий Коловрат и его дружина, которые выступают народными мстителями за разоренные рязанские земли и сражаются с врагом так, что «ни один из них не съедет живым с побойща». Повесть полна драматизма, и тем не менее ее рассказ отличается уверенностью в народных силах, всем своим содержанием она призывает к активной борьбе. Это произведение по своему патристическому звучанию находится в одном ряду с таким памятником, как «Слово о полку Игореве».

«О светле светлая и украсно украшена земля Руськая!» — так открывается другой, наиболее ранний северо-восточный памятник — «Слово о гибели Руських земель». Это проникновенный сказ-песня о бедствиях на Руси, потере ее независимости, гибели богатства и красоты ее. Глубокой взволнованностью отличается и «Житие Александра Невского», которое представляет собой воинскую повесть, прославляющую подвиги князя-воина как библейского героя и его мужественного войска в защите русских земель от немецких рыцарей. Большим авторитетом в Северо-Восточной Руси конца XIII в. пользовались просвещенческие проповеди владимирского епископа и писателя Серапиона. Они получили в литературе название «Слово Серапиона Владимирского» и известны в основном по сборникам «Измарагд» и «Златоуст». С подлинным мастерством повествуется в проповедях о потрясениях, выпавших на долю современников писателя. То было время, когда «кровь и отец и братья наша, аки вода многа, земля напои, ...множайша же братия и чада наша в плен ведены быша; села наши лядиною поростоша... труд наш погании наследоваша; земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть; в поношение быхомъ живущим вскрай земля наша»²⁷. Монголо-татарское нашествие и его последствия служили главной темой произнесенных Серапионом проповедей. Следуя церковному догмату, он видел причину несчастья, обрушившегося на жителей русских земель, в их мирских грехах и неверии. Его проповеди были обращены к широкому народным массам и содержали призыв к спасению родной земли через покаяние и собственное духовное очищение. Одновременно «Слово» было использовано для гневного обличения таких социальных явлений, как угнетение сильными слабых, моральное разложение определенных слоев общества, грубые суеверия и изуверские предрассудки в быту, что придавало в какой-то мере гуманную значимость проповедям Серапиона Владимирского. Уже в свое время он был признан «зело учительным» писателем. Вполне вероятно, что его литературное наследие не дошло до нас в полном объеме. Не случайно он сам заявлял: «Много глаголю вам»²⁸.

Борьба русского народа против Золотой Орды и жестоких насилий ее наместников, откупщиков и баскаков часто привлекала внимание тех, кто умел держать в руке перо. В литературу входят новые герои — простые горожане и воины. Широкие народные выступления против захватчиков в Залесской земле отмечены крупным произведением новой тверской литературы — «Сказанием о Шевкале». В этом сказании изложен такой исторический факт начала XIV в., как восстание в Твери, когда отчаявшиеся тверичи в отместку за насилие и поругание сожгли живьем золотоордынского наместника и весь вражеский гарнизон. Автор «Сказания» отмечает, что «бшася чрез весь день» горожане одолели врага, а пытавшийся спрятаться в княжеском доме Шевкал (Щелкан) «згоре». Это событие нашло отголосок в былинно-песне о Щелкане Дудетьевиче.

Первые дошедшие до нас памятники великорусской письменности были представлены житийной литературой. В исторических же условиях XIV в. она отвечала не столько богослужебным целям, сколько политическим запросам объединительных тенденций своего времени. К этим памятникам относились прославления местных князей, утверждавшие идею их гегемонии и преемственности церковной власти того или иного центра русских земель от Византии, что соответствовало роли, которую играла церковь в период монголо-татарского ига на Руси, сохранив, по сравнению с княжеской властью, большую свободу действий. Северо-восточные агиографы широко использовали в своих трудах документально-летописный материал и прибегали к литературно-книжному языку. Поэтому некоторые жития носили полусветский характер. Житие

²⁷ Там же, стр. 207.

²⁸ В. Ф. Покровская. Литература Владимиро-Ростово-Суздальской земли. «История русской литературы». Т. II, ч. 1, стр. 45.

Авраамия Смоленского посвящено высокообразованному книжнику, который своей подвижнической деятельностью приобрел известность. Автор Жития Ефрем — ученик Авраамия²⁹. К новой житийной литературе близко стояли ростовское Сказание об убиении черниговского князя Михаила и его боярина Федора и тверская Повесть об убиении в Орде великого тверского князя Михаила Ярославича. Оба произведения составлены под влиянием Сказания об убиении киевских князей Бориса и Глеба. В теме о мучениках за христианскую веру звучит протест русских людей против монголо-татарского засилья. В упомянутой повести отразилась борьба Твери и Москвы в начале XIV в. за политическое первенство. Ростовская епископия также претендовала на исключительное положение. В житиях, написанных в Ростове, подчеркивались независимость ростовской епископии от киевской митрополии и прямая ее связь с Царьградом. Литературная обработка местной легенды о царевиче Ордынском Петре была подчинена выражению идеи самостоятельности Ростова. Это повесть о выходе из Орды, принявшем православную веру с помощью ростовского епископа, и его потомстве. Рассказ интересен бытовыми и историческими подробностями и известиями. Первенцем московской письменности является Житие митрополита Петра³⁰, которое заключалось словами: «Тако бо бог прослави землю Суздальскую и град зовомый Москву, и благоверного князя Ивана»³¹. Впервые в русской литературе было зафиксировано возвеличивание Москвы как политического центра Северо-Восточной Руси.

Литературная судьба большей части произведений Северо-Восточной Руси тесно переплетается с развитием летописания. Некоторые летописи начинали свою жизнь, другие продолжали ее в новых редакциях на страницах летописных сводов. Летописное дело — систематическое изложение истории родной земли — в связи с ослаблением общерусских связей возрождалось как областное летописание и начинало занимать видное место в духовном пробуждении Руси и ее общественной мысли. Летописание впитывало в себя исторический и литературный материал, отражал многообразие жизни русских земель. В летописи, как ни в каком другом памятнике средневековой письменности, можно почувствовать дух эпохи, познакомиться с оценками и взглядами деятелей прошлого на те или иные события. Летописание Северо-Восточной Руси — это самостоятельная ростово-суздальско-владимирская ветвь с использованием южнорусской традиции. В конце XIII — начале XIV в. возникло летописание в молодых центрах — Твери и Москве.

Ведущим сохранившимся памятником северо-восточного летописания является Лаврентьевская летопись (список 1377 г.), в которой соединилась летописная работа Владимира, Ростова, Рязани, Твери. В ней содержатся и историческая концепция первенства Владимира в феодальном союзе русских княжеств, и ростовские записи с житийной манерой ведения летописи, и рязанские повествования о монголо-татарском нашествии с песенно-дружинными мотивами, в которых звучит обвинение в адрес русских князей, не сумевших объединиться перед лицом опасности, и первый тверской летописный материал преимущественно о событиях борьбы за политическое преобладание. Составители Лаврентьевской летописи использовали также в качестве источников новгородский, ярославский, смоленский материал. Слияние в одном памятнике летописных материалов разных областных центров при большой их обработке и сокращении свидетельствовало о попытке создания общерусского свода тогда, когда вопрос о преобладании среди русских городов складывался в пользу Твери (именно в начале XIV в. при Михаиле Ярославиче). Объединительные тенденции в противовес местному сепаратизму звучали и в проповеднических сборниках, и в воинских повестях, и в житиях. В них все сильнее раздавался призыв к защите родной земли от иноплеменного ига, напоминалось о героическом прошлом, о литературном наследии Киевской Руси. Бытование в разных культурных центрах литературных сочинений с такой общей политической тенденцией зачастую даже затрудняет возможность связать их происхождение с какой-нибудь одной областью.

²⁹ Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. СПб. 1861, стр. 115—122.

³⁰ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, стр. 38—43, 52—58, 74—77.

³¹ Цит. по: Н. К. Гудзий. Указ. соч., стр. 248.

Как известно, в начале XIV в. в борьбу за великое княжение вступают московские князья. Юрий Данилович был первым московским князем, получившим ярлык на великое княжение Владимирское, а Иван Калита закрепил этот титул в своем роду и перенес столицу из Владимира в Москву. Митрополит всея Руси Петр также перенес сюда свою кафедру. Общие интересы борьбы против ненавистного иноземного ига, оброрны русских земель от новых посягательств врагов ускорили объединение русских земель. В конце XIV в. Москва с успехом возглавила выступление против Мамаея и тем самым подтвердила свое право на главенствующее положение в северо-восточном союзе русских княжеств. «И иных князи русские начаша приводити во свою волю, а которые почало не повиноватися их, на тех почали посягати»³², — так характеризовал летописец объединительные тенденции московских князей. В политических взаимоотношениях великокняжеской власти широко проявлялось стремление подчинить те княжества и земли, которые еще сохраняли свою самостоятельность. Дальнейшее развитие получили договорные отношения между княжествами, в том числе с Тверью, на основе признания политического верховенства Москвы. К прежним обширным московским владениям присоединялись отдельные части Рязанского, Ростовского и других княжеств, Вятская земля. Утратило независимость Суздальско-Нижегородское княжество. В Пскове был посажен московский наместник, к покорности приведен Новгород. Московская Русь третьей четверти XV в. была накануне превращения в единое государство³³.

Объединение северо-восточных русских земель проходило в условиях дальнейшей феодализации, разрушения местной замкнутости и общего экономического оживления. Это нашло выражение в наступлении на удельно-вотчинные традиции, в усилении общения между отдельными княжествами, росте городов и посадского населения, установлении торговых сношений с итальянскими городами в Крыму, а через Золотую Орду — с восточными странами. Успешное восстановление и развитие творческих сил народа обеспечило начиная со второй половины XIV в. постепенный, но неуклонный культурный подъем. Основным результатом этого перелома в духовной жизни Руси явилось интенсивное сложение общерусской культуры, формировавшейся русской народности.

Московское архитектурное и изобразительное искусство, впитавшее в себя художественную мысль домонгольского периода и достижения местных школ, определило многие черты национальной культуры. В обстановке усиливающегося влияния Москвы развивалась богатая и самобытная художественная жизнь в Новгороде и Пскове. В конце XV в. в Москве вместе с москвичами работали псковичи, тверичи, нижегородцы, отдавая многосторонний опыт и знания для создания памятников искусства, получивших общерусское признание. Начатое при первых Даниловичах архитектурное строительство в Москве разрасталось, приобретая все больший размах и планомерность и далеко опережая строительство у ее политических соперников по разнообразию типов и масштабов построек. В архитектурном облике городов начинает преобладать каменное зодчество. За 100 лет было сооружено около 20 каменных построек: и в этом отношении раннее московское строительство превосходит владими́ро-суздальское. Московские зодчие, сохраняя большую приверженность к владими́рской крестовокупольной системе храма, применяли новые художественные принципы и приемы, развитие которых приведет в XVI в. к возникновению шатровых и столпообразных зданий. Яркие, созданные с большим искусством архитектурные памятники Москвы возводились в обновленной редакции крестовокупольного храма с выделением массива главы в виде ступенчатых закомар и заметной свободой внешней отделки зданий.

Раннее московское зодчество отличается новизной замыслов, величавой представительностью и праздничной торжественностью. Эти черты характеризовали идейное содержание и политическую направленность монументального градостроительства великокняжеской Москвы. Она встает на путь строительства каменных крепостных стен, заимствуя вслед за Новгородом и Псковом передовые формы крепостной архитектуры Запада³⁴. Выступая во главе русских земель в деле их объединения и защиты, «сильный град» Москва торопится строить крепости: Андроников, Симонов, Чудов,

³² «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. 15. Пггр. 1922, стр. 84.

³³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, гл. IV—V.

³⁴ В. Н. Лазарев. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). «XIII Международный конгресс исторических наук». М. 1970, стр. 35.

Троице-Сергиев монастыри. Важным событием явилось строительство блестящего художественного и военно-инженерного сооружения, белокаменной крепости — Московского Кремля в обрамлении 2000-метровых «чудных» стен с 8 или 9 башнями. Ведется строительство на западных и южных подступах княжества — в Звенигороде, Серпухове и Коломне. Под Серпуховом был заложен Зачатьевский монастырь. Голутвин и Бобренев монастыри являли собой форпосты Коломенской крепости. Выдающийся памятник строительного искусства, воздвигнутый в честь крупной победы Дмитрия Донского над золотоордынцами, представляет собой шестистолпный Успенский собор в Коломне. С княжения Дмитрия Донского началась полоса реставрации художественных памятников на Московской земле, а также во Владимире, Твери, Ростове, Нижнем Новгороде, Переяславле-Рязанском. Тверь прилагала немало усилий, чтобы не уступить в строительстве Москве. Были восстановлены старые и возведены новые придворные храмы в Кремле, построены Желтиков монастырь и Архангельский собор в волжской крепости Старице. В этих архитектурных памятниках отразилось своеобразие творчества тверских мастеров, внесших самостоятельный вклад в переработку прежних художественных форм и вместе с тем ориентировавшихся на опыт московского строительства. В местном зодчестве, отличавшемся богатым и сложным декоративным убранством, сказывалось влияние опыта московских мастеров, которые приняли также участие в реставрационных работах в Ростове и Нижнем Новгороде ³⁵.

Вклад Московской Руси в зарождение национального искусства тесным образом связан с достижениями в области живописи. Ряд памятников искусства того времени получает общерусское звучание благодаря творчеству прославленных живописцев и их школ. Феофан Грек, Даниил Черный, Андрей Рублев посвятили свой творческий гений росписи лучших северо-восточных памятников в Москве, Новгороде, Владимире и других городах. Изобразительное искусство Московской Руси впитало в себя два направления — греческое и местное. Местное станковое и монументальное направление живописи, обогащенное работами Феофана Грека — представителя константинопольской живописной школы, получило успешное развитие, обретя новую силу в творениях выходца из Троице-Сергиева монастыря Андрея Рублева. Богословско-созерцательная по форме и философская по содержанию живопись русских мастеров в условиях наполненного бурными событиями времени претерпевала изменения. Новый художественный стиль греческого искусства с чертами реализма и интересом к психологической характеристике человека нашел на Руси благоприятную почву. При общей идеалистической настроенности от новых ее произведений веяло глубокой жизненностью и драматизмом, так созвучными пробуждавшейся Руси. Прокладывались новые пути в искусстве, одухотворенные гением Андрея Рублева.

Феофан Грек работал на Руси с большой творческой напряженностью. Он расписал много зданий в Новгороде Великом, Нижнем Новгороде, последние его работы принадлежат Москве. Им расписаны дворцовая церковь Рождества Богородицы, Архангельский, Благовещенский соборы в Московском Кремле, а также ряд гражданских зданий. С его именем связывается роспись Успенского собора в Коломне. Мастерство художника-«гречина» пользовалось большим почитанием, о нем говорили как о «преславном мудреце, зело философе хитром». Пребывание Феофана Грека в Москве внесло заметное оживление в местную иконописную среду. Вместе с ним трудились русские мастера Семен Черный с учениками. Во время работ над росписью Благовещенского собора скрестились творческие пути Феофана Грека и русских иконописцев Прохора из Городца и Андрея Рублева. Летопись под 1405 г. извещает: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменую святое Благовещение на князя великаго дворе..., а мастера бяху Феофан иконник Гръчин, да Прохор старец из Городца, да чернец Андрей Рублев» ³⁶. Выполненный в строгой и монументальной форме деисус (композиция из икон Христа, Богородицы и Крестителя) Благовещенского собора — блестящий венец творчества Феофана. Греческий живописец заканчивал здесь свой путь в искусстве, оставляя достойную смену в лице русских мастеров кисти.

³⁵ Н. Н. Воронин. Архитектура, стр. 238—253; его же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. II. М. 1962, стр. 187—207, 311—320.

³⁶ М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись, стр. 459.

Андрею Рублеву и его сотоварищу по искусству Даниилу Черному было поручено возобновление росписи владимирского Успенского собора, где происходило посажение на великокняжеский стол. Для формирования самостоятельного стиля живописи русской художественной школы большое значение имело приобщение ее крупных мастеров к великим творениям XII в. на Руси. Поэтому не случайно созданные Андреем Рублевым фрески во Владимире, занимая центральное место среди произведений его монументальной живописи, как бы приняли эстафету прошлого. Фрески расположены во временной последовательности. Большое место отведено изображению Страшного суда. Живописное повествование на эту тему проникнуто у Рублева надеждой на милость и прощение, верой в будущее и вечное райское блаженство и носит эпический характер. Искусство этого художника символизировало пробуждение самосознания народа и его общественных сил. В произведениях Рублева находила отражение мечта народа о лучшем устройстве жизни. Его творения как бы пронизаны доверием к человеку и особым вниманием к его внутренней жизни; в них звучит радостное и поэтическое обращение к миру, признание его красоты и многообразия. С большой полнотой художественный почерк великого мастера запечатлен в станковых произведениях, в так называемом «чине» (собрании икон, помещаемых в иконостасе) Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре и Успенского собора в Звенигороде. Самой знаменитой из икон рублевского «чина» является икона «Троицы» (Троице-Сергиева лавра). Русский живописец изобразил Троицу по-своему, взяв за основу известное сказание о трех мужах, явившихся библейскому праотцу Аврааму и его жене, бездетной Сарре. По его идейному замыслу, три лица Троицы явились на Землю не для того, чтобы возвестить патриарху чудесное рождение его будущего сына, а с целью подать людям пример дружеского согласия и самопожертвования³⁷. Церковно-догматическому содержанию легенды о Троице он придал философское осмысление общечеловеческой идеи о творческой силе, о благотворности любви, единства и союза. Культ Троицы служил символом собирания и единения сил в условиях феодальных усобиц и иноземного ига. Современник Рублева Епифаний Премудрый писал, что «воззрением на святую Троицу побеждался ненавистный страх розни сего мира». Последние росписи Рублева были сделаны в Спасском соборе Андроникова монастыря, где он и погребен. Созданная им московская школа продолжала жить в изобразительном творчестве его талантливых последователей.

Изобразительное искусство Московской Руси не было единым: достаточно отчетливо проявлялось областное живописание, в первую очередь ростовское и тверское. Здесь наряду со стремлением познакомиться с новым московским течением в искусстве отразилось сознательное желание к повторению старых образцов и известная приверженность к консерватизму. Ростовские и тверские живописцы еще пользовались архаическими, но сохранявшими свою эстетическую ценность приемами. Оживление иконописания в Твери падает на последний этап процветания Тверского княжества при князе Борисе Александровиче. Затем местное иконописание замкнулось в тесных рамках областного художественного творчества³⁸.

С развитием художественной культуры тесно связано возрождение старых, домонгольского времени декоративно-прикладных ремесел, особенно пострадавших из-за монголо-татарского нашествия. Мастерские были разграблены или сожжены, а мастера погибли либо уведены в плен. Возрождение декоративно-прикладного искусства приходится на вторую половину XIV в., когда большое значение приобретают ювелирное дело, обработка дерева, кости, узорное ткачество, шитье. Появляются ювелирные мастерские в Москве, Твери, Суздале, при некоторых монастырях. Умелыми руками мастеров были созданы памятники, отличавшиеся красотой, богатством орнаментальных мотивов и разнообразием технических приемов. Среди московских памятников выделяются оклад евангелия боярина Ф. А. Кошки, украшенный сканным узором и литыми фигурками (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел), оклад митрополита Фотия Владимирской богородицы с изображением 12 праздников (Оружейная палата Московского Кремля), яшмовая чаша (потир), выполненная

³⁷ А. И. Клибанов. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева, стр. 92—102; М. В. Алпатов. Андрей Рублев. М. 1972.

³⁸ Г. И. Вздорнов. Указ. соч., стр. 285—289, 321—358.

Иваном Фоминим (Загорский художественно-исторический музей), и русского шитья пелена княгини Марии, вдовы Симеона Гордого (Государственный исторический музей). Ряд выдающихся произведений художественных ремесел вышел из мастерских Троице-Сергиева монастыря, где работал замечательный резчик-скульптор Амвросий⁴⁰.

Ведущие позиции в культурном подъеме Московской Руси занимала литература. В литературных памятниках наиболее всесторонне проявились богатство и разнообразие умственной жизни того времени. Сочинения большого художественного мастерства, выражавшие общерусские интересы, родились в Москве. Значительно умножилось книжное дело, которое само по себе было показательно для уровня духовной культуры. С середины XIV в. дорогой пергамент (телячья кожа) постепенно начала сменять бумага. Впервые она была использована в московской княжеской канцелярии для написания духовной грамоты Симеона Гордого (не позднее 1353 г.). Появление бумаги сделало книгу более доступной для широкого читателя. Книги на Руси можно было приобрести путем заказа «доброписцу» или покупки на городском рынке. Необходимо иметь в виду, что книги не только читались, но и слушались. Чтение вслух — типичное явление для средневековья, и не только русского. Книги слушались в теремах, домах и в монастырях. Русь хорошо знала производство лицевых рукописей (с миниатюрами). Из ростовских художественных мастерских вышли известные памятники книжного творчества. Искусство рукописей получило развитие в Андрониковом монастыре в Москве⁴¹. В Константинополе и на Афоне, где имелись колонии русских, осуществлялись переписывание и переводы множества книг, которые потом привозились на Русь.

Книжность на Руси высоко ценилась. Почтением были окружены «мудрые и книжные мужи», «книжники» и «сказатели книг», поощрялись «упражнения» детей в чтении; в литературные сочинения включались статьи о пользе чтения книг, при характеристике образованных людей отмечали прежде всего, что тот или иной человек «сведущ в книгах». «Книги суть реки, напоющие вселенную мудростью»⁴², — так проникновенно высказывается один из авторов того времени. Болезненно воспринималась гибель книг от пожаров и волотоордынских набегов. Под 1382 г. летопись сообщает, что во время прихода Тохтамыша к Москве «книг же толико множество снедено со всего города и из загородья и сел и в зборных церквях до тропа наметано, скраненья ради спроважено, то все без вести створиша»⁴³. Центрами книжности были Ростов, Тверь, Нижний Новгород, Москва и монастыри, где организовывались хранилища книг. По словам источника, «многи книги бяху ту». Известны были обширные библиотеки Богоявленского, Симонова, Чудова, Троице-Сергиева, Григория Богослова (в Ростове) и других монастырей. Здесь хранили, переводили, писали новые книги, вели летописную хронику. В XIV—XV вв. на Руси существовали своего рода скриптории — мастерские книжных писцов. Над списыванием книг и переводами работали и представители самых образованных кругов, и простые писцы. Высшие духовные лица Петр и Дионисий, основатели монастырей Стефан Пермский и Сергей Радонежский, нижегородец Дорофей были «книжниками».

Изготовлением книг занимались не только церковники. Среди переписчиков книг наряду, например, с причетниками-дьячками было много мирских лиц, автографы которых хранятся в дошедших до нас рукописях. Сведения о богатстве письменных памятников Северо-Восточной Руси могут свидетельствовать о распространении грамотности на ее земле. Письменность в широком смысле этого слова не являлась, конечно, исключительным достоянием высшей духовной и светской знати. Обучение грамоте и «упражнения» в чтении книг охватывали различные по своему общественному положению слои населения. В их числе было много ремесленников: мастера-художники, ювелиры, оружейники, литейщики и т. д. В литературных сочинениях, в

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 623—660; А. Ф. Коростин. Скульптура и декоративно-прикладное искусство. «История русского искусства». Т. I, стр. 91—95; М. А. Ильин. Декоративно-прикладное искусство. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 2.

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков, стр. 222, 237.

⁴² Б. А. Рыбаков. Просвещение, стр. 170.

⁴³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 423.

частности житиях, нередко упоминается о существовании городских и сельских училищ и учителей-книжников. В Смоленске, по преданию, были школы, где учили не только русскому, но также греческому и латинскому языкам. Греческое образование не являлось редкостью даже в молодом тогда центре — Москве⁴⁴. Следует принимать во внимание разнообразие сфер развития знаний, отвечавших особенностям растущих практических хозяйственных, фискальных или юридических потребностей тогдашней жизни. Просвещение в городах и вотчинных владениях прокладывало себе путь в значительной мере через письменную культуру. В литературе черпались математические познания, в том числе цифровая система, метрология, хронологические расчеты, понимание природных явлений и их влияния на человека.

Заметное место в литературной жизни занимали южнославянские переводы с греческого. Возрастал интерес к произведениям, поднимавшим общественно-философские проблемы. Имело место сотрудничество южнославянских и русских книжников. Южнославянская литература познакомила Русь с достижениями византийской и частично романской науки того времени. Появились переводные книги по астрономии, космографии, географии и астрологии. Осуществленный Дмитрием Зографом перевод греческой поэмы даже зафиксирован летописью; запись под 1385 г. гласит: «Преведено бысть сие слово святого и премудраго Георгия Писиды»⁴⁵. Такое внимание летописца, современника Дмитрия Донского, к византийскому автору VI в. было связано с новым обращением Руси к античным идеям. Греческая поэма привлекала русского читателя своими сведениями о природе на основе выдержек из сочинений Аристотеля, Плутарха, Плиния, новым осмыслением окружающего мира, далеким от богословских фантазий. Переводная литература принесла вместе с тем и литературные приемы, отличавшиеся культивированием торжественной патетики и украшенностью речи.

Используя южнославянские образцы для стилистической обработки, житийная литература создавала острополюемические произведения, имевшие порой общественно-политическое звучание. Митрополит Киприян, болгарин по происхождению, переработал Житие митрополита Петра, много потрудившегося для утверждения московской великокняжеской власти. Епифаний, прозванный современниками за широкую образованность и одаренность Премудрым, посвятил свои труды просветителю Стефану Пермскому и церковному идеологу Сергию Радонежскому. Оба эти деятеля были тесно связаны с московскими политическими интересами и после смерти окружены большим почитанием в Москве и за ее пределами. Стефан, будучи сам писателем, осуществлял миссионерскую деятельность. Поселившись в Пермской земле, он стремился дать письменность не знавшему никакой грамоты местному населению (коми). Им создана для пермяков, оставшихся до XIV в. бесписьменным народом, специальная азбука⁴⁶. Епифаний написал об этом так: «Перьскую же грамоту един составил... Стефан»⁴⁷. Творчество Епифания, Стефана и их современника Андрея Рублева было связано с Троицким монастырем, возглавляемым Сергием Радонежским. «Житие Сергия Радонежского» Епифаний написал как «душеприказчик» своего исповедовавшего идею единения русских княжеств учителя и главы общественно-идеологического направления, целью которого было собирание сил народа. Многие сделал для переработки московских житий Пахомий Логофет, придавший им ярко выраженный нравоучительный панегиризм.

Общерусские интересы выражала и литература исторического характера. Как и прежде, тема борьбы с монголо-татарами стимулировала развитие воинских повестей и отдельных рассказов в разных областях русских земель. К ним относятся проникнутые удалством и патриотизмом повести о нашествии царевича Арапши на Нижегородское княжество и приходе на Рязань царевича Мустафы, летописный рассказ о победе москвичей на Воже над мурзою Бегичем, написанный по горячим следам событий. В это же время появились повести о московском разорении, в которых нарисованы страшные бедствия, вызванные нашествием Тохтамыша, повествуется о восстании с участием городских слоев, выведенных в образе москвича-суконника Адама.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 45—47; Н. К. Гудзий. Указ. соч., стр. 217.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 11—12. М. 1965, стр. 86.

⁴⁶ Л. В. Черепнин. Русская палеогеография. М. 1956, стр. 262—263.

⁴⁷ «Хрестоматия по древней русской литературе», стр. 190, 192.

Крупнейшее политическое событие Руси — победа коалиции русских князей, возглавлявшихся Дмитрием Донским, на Куликовом поле — породило цикл сказаний о Мамаевом побоище. Центральное место среди них занимает памятник национального значения «Задонщина», появившийся под воздействием «Слова о полку Игореве». «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Руской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят тязи у Дону великого на бреси. Звонят колоколы вечныя в великом Новгороде... Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове»⁴⁸, — в таких проникновенных словах воспеваает ее автор Софония-Рязанец всю Русскую землю, победившую золотоордынцев.

Разгром полчищ Мамаю открывал перед русским народом реальные перспективы освобождения от иноземного господства. Победа поддерживала надежду, которая никогда не умирала, на полное освобождение страны, вдохновляла поэтическую мысль и обращала ее к «Слову о полку Игореве» как памятнику народной свободы и чести, где с величайшей художественной силой звучит гражданский призыв к единству Русской земли при губительной феодальной раздробленности в условиях иноземного владычества. Огромная творческая энергия «Слова» была созвучна новым поколениям Руси, переживавшей в период своей разобщенности утрату государственной независимости. «Задонщина» выражала официальное направление в литературе, отвечая прогрессивным интересам развивающихся тенденций государственности. Прославляя победу на Куликовом поле, которая была достигнута путем объединения сил русских княжеств, ее автор поет гимн «Руси великой» и единой. Писатель-современник одобряет собирательную политику Москвы. Возродив художественный жанр «Слова», Софония с большим талантом передал его народно-поэтическую основу. Он разделил рассказ на отдельные песни, где «поведал» о славных событиях «по делом и по былинам», воскресив образы вещего Бояна, буй-тура Всеволода, птицы-жаворонка, ноющей славу Дмитрию Донскому. В книжности и фольклоре Московской Руси с ее борьбой за независимость былинный героический эпос неизменно пользовался популярностью. К этому же времени относится сложение киевского цикла былин, в котором сюжеты Киевской Руси с ее богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем сливаются с рязанскими, муромскими, ростовскими сказаниями. Такое объединение местных, областных течений народного творчества нашло место и в общерусском летописании. Это отразилось в передаче летописцем в Московском своде первой четверти XV в. текста былин о гибели в битве на Калке Александра Поповича, слуги его Торопа, Добрыни Рязанича Златого пояса и с ними 70 храбрых богатырей, защитников русских земель⁴⁹.

Повышенное внимание к «своей античности» — к старому Киеву, Владимиру и их патристическому слову будило в литературе историческую мысль. Ее успешное развитие выразилось в создании общерусских исторических сочинений типа летописных сводов, открывающихся Повестью временных лет, и хронографов с их интересом к месту Руси в мировой истории. Исторические сочинения писались в социальной среде, близкой к повседневной политической борьбе. В стольном княжеском городе Нижнем Новгороде, который уже в середине XIV в. соревновался с Москвой в Орде, появляется в 1377 г. в новом списке свод 1305 г., написанный «князю великому Дмитрию Константиновичу». По имени переписчика мниха Лаврентия, выполнявшего поручение архимандрита нижегородского Печерского монастыря Дионисия, за ним закрепилось название Лаврентьевской летописи. По замыслу составителей, она должна была служить культурному и историческому престижу Нижегородско-Суздальского княжества. Высказывалось соображение, что летописная работа Лаврентия не была простой перепиской свода 1305 года⁵⁰. Возможно, его редакторская рука коснулась многих текстов, и ему же принадлежит «Похвала» князю — строителю Нижнего Новго-

⁴⁸ «Повести о Куликовской битве». М. 1959, стр. 10, 13.

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 19—21; О. В. Орлов. Литература. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 2, стр. 113—115.

⁵⁰ В. Л. Комарович. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в. «История русской литературы». Т. II, ч. 1, стр. 69—70, 90—96, 184—197. Другие ученые придерживаются мнения, что начатое дело по составлению свода в Нижнем Новгороде не было закончено, и Лаврентьевская летопись является только копией свода 1305 года. См., например, А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969, стр. 180—188.

рода Юрию Всеволодовичу, наследнику первых великих владимирских князей, отдавшему жизнь за родную землю в борьбе с «безбожными татарами». Тем самым выдвигалось смелое идеологическое обоснование политических претензий нижегородских князей на первенство в Северо-Восточной Руси⁵¹.

Тесно связано было с политической жизнью своего княжества тверское летописание, которое завершилось созданием нового свода 1455 года. В центре его повествования — события в Тверском княжестве. Даются также краткие сведения о мировой и русской истории (до 1285 г.): «От Киева... до сего богом хранимого тверского града». Появился свод по повелению тверского князя Бориса Александровича, дабы восстановить «честь премудрого Михаила», генеалогическое древо первого великого тверского князя от самого Владимира I и тем самым прославить род тверских князей в качестве законных «самодржцев» Русской земли⁵². Тверской летописец уделяет большое внимание доказательству руководящей роли Твери в борьбе против монголо-татарского владычества. Тверскому, как и предположительно нижегородскому, летописанию присущ общерусский характер, поскольку эти сочинения провозглашали идеи необходимости единой княжеской власти и прекращения феодальной междоусобицы. В них широко использован летописный материал других областей. Общерусский охват событий отличает также летописание в Ростове, Смоленске; местную историческую мысль уже питает опыт московского летописания⁵³.

Общерусское летописание в полной мере проявилось в Москве. Уже первые московские своды ставили своей задачей написание истории не одного княжества, а всей Русской земли. К ним принадлежат Летописец Великий Русский, Троицкая летопись и Московский свод первой четверти XV в., известный в литературе под названием Полихрон митрополита Фотия. Акад. А. А. Шахматов специально обращал внимание на «связь между объединением Руси и появлением общерусских сводов», на то, что «в Москве появляются такие летописные своды еще задолго до приобретения этим городом общерусского политического значения»⁵⁴. Будучи близка политическим интересам Москвы, московская летопись по своему идейному содержанию как бы опережает ход событий, выражая общерусские задачи, которые только еще вставали перед московскими князьями. Для нее характерна обширная литературная основа. Симпатии к Москве сочетаются в ней с определенным беспристрастием к местным тенденциям и разным точкам зрения на события, с заметными поисками политического равновесия между соперничавшими сторонами. Она вводит в обращение материал о Литве, в подчинении которой находилась большая часть русских земель. Наконец, Московский свод первой четверти XV в. вошел в состав первого русского Хронографа 1442 г., появление которого было новым шагом в развитии исторического повествования, впоследствии заменившего собой летописные традиции исторического рассказа. Эта первая попытка написания труда, посвященного общемировой истории, была сделана в Москве, и связана она с именем Пахомия Логофета⁵⁵. При составлении Хронографа, кроме русского материала, были использованы Еллинский летописец, хроника Манасии, сербский сборник житий. В центре внимания памятника находятся события мирового значения: междоусобная борьба «владык мира» Тамерлана и Тохтамыша, утверждение турок на Балканском полуострове, покорение ими Сербии, Болгарии и Византии. Создание Хронографа совпало по времени с возрождением на Руси идеи мирового значения русской истории; в общей картине всемирно-исторического повествования в одном ряду поставлены Византия, Западная Европа и Русь.

Воскресает забытая вначале литературная киевская традиция составления «хождений». Новые «хождения» писались участниками возобновившихся с середины XIV в. официальных посольств по церковным делам и паломничеству. Так, появляются описания паломничества дьяка Зосимы в Иерусалим, путешествий митрополитов Пимена в

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стр. 466—468.

⁵² ПСРЛ. Т. 15, стр. 464.

⁵³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. 1947, стр. 323—325, 329.

⁵⁴ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV веков. «Журнал министерства народного просвещения», 1900, № 9, стр. 90.

⁵⁵ А. А. Шахматов. Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л. 1938, стр. 135; М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков, стр. 265.

Царьград и Исидора в Феррару и Флоренцию, благодаря которым русский читатель мог почерпнуть некоторые практические знания, расширить свои представления о Востоке и познакомиться с культурой Запада. Описание путешествий содействовало не только установлению точных знаний о других странах, но и созданию основ географической науки. Важной вехой в идейной эволюции Московской Руси явилось ее более широкое обращение, чем раньше, к публицистическим произведениям. Публицистические мотивы слышны и в рязанских воинских повестях с их антипатиями к центростремительным действиям Москвы, и в Повести о нашествии Едигея на Москву с ее отстаиванием идеи литовско-русского союза. Острая и длительная борьба Москвы и Твери за первенство получила полемическое звучание в «Слове о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича» и в «Слове похвальном» инока Фомы. Автор «Слова о житии» с особым почтением относится к княжеской власти Москвы. Московский князь именуется «оспадарем всей земли Русьской», «благоподобной отраслю царя Владимира, нового Константина». Автор прославляет победу Дмитрия Донского, которая посрамила его врагов и уничтожила «расколничи же и мятежники царства его»⁵⁶. «Слово похвальное» посвящено тверскому князю Борису Александровичу, автор которого как бы соревнуется в восхвалениях, обращенных к Дмитрию Ивановичу в «Слове о житии». Здесь впервые находит выражение идея преемственности. «Слово похвальное» было составлено по следам живых событий: завоевания турками Константинополя и заключения Флорентийской унии, провозглашавшей объединение римской и византийской церковью. Панегирик тверскому князю дан в связи с Ферраро-Флорентийским собором, на который прибыло посольство Бориса Александровича — «второго Константина», в период острых усобиц в Москве⁵⁷. Литературе Московской Руси далеко не было чуждо проявление интереса и к простым мирским сюжетам. Известны бытовые новеллы, нашедшие отражение в «Повести о Колоцкой божьей матери» и «Повести о смоленском князе Юрии»⁵⁸. Этот жанр получит позднее успешное развитие.

Северо-Восточная Русь, активно выступая против монголо-татарского ига, жила интенсивной умственной жизнью. Начинаясь возрождение всей страны глубоко коснулось ее духовной культуры, которая была подчинена преимущественно практическим задачам времени — борьбе с иноземным владычеством и объединению исторически связанных русских земель. Создававшиеся тогда художественно-литературные памятники находились у истоков общерусской культуры — живописи, зодчества, литературы. Культурный подъем в стране охватил преимущественно разные слои господствующего класса и посадских людей. Что касается основной массы трудящегося населения, обитавшего прежде всего в бесписьменной деревне, то мы пока располагаем довольно скудными сведениями о его тогдашней духовной жизни. И науке для создания более полной картины культурного развития предстоит еще немало потрудиться.

⁵⁶ «Хрестоматия по древней русской литературе», стр. 179—187.

⁵⁷ Я. Лурье, Роль Твери в создании Русского национального государства. «Ученые записки» ЛГУ. Серия исторических наук, 1939, вып. III, № 36; О. В. Орлов. Указ. соч., стр. 147.

⁵⁸ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков, стр. 239—240.